

Все вокруг засуетились, поднялись на ноги, схватили оружие и сбились у входа, но никто не решался выйти наружу и разведать обстановку. Сюй Лу поддержал Го Цзя и помог ему укрыться в дальней комнате.

Сквозь шаткую, готовую рухнуть дверь было видно, как пламя бушует до небес.

— Раздался грохот!

Дверь вылетела, и всадники вихрем ворвались прямо во двор. Во все стороны полетели железные стрелы. Впереди всех скакал человек с грозным клинком наперевес, а отсветы пляшущего пламени падали на его свирепое лицо.

— Сюй Вэньчуан, эту ночь ты не переживешь!

Сюй Юн взмахнул руками, перехватывая пару парных булав инь-ян, громко рявкнул и бросился прямо под брюхо коню того воина.

Оказавшиеся в ловушке усадьбы люди чувствовали себя словно загнанные в бочку черепахи.

Вражеские длинные копья взметались вверх, оставляя за собой туманы кровавой пыли. Густеющий запах крови смешивался с ледяным холодом ночного воздуха. Лошадиные копыта беспорядочно топали, взлетали и опускались, со страшным хрустом ломая людям кости.

Опрокинутый у стены котел с похлебкой рухнул прямо в костер, издав шипящий звук.

Первым же ударом Сюй Юн перерубил лошадиную ногу. Сидевший на ней воин мгновенно спрыгнул вниз, оперся клинком о землю и тут же бросился в атаку.

Тени булав пересекались со свистом клинка.

Никто не имел права на ошибку.

Враг обрушил свой яростный клинок с силой удара грома, тяжело обрушившись на лезвие булавы. Сюй Юн поддался натиску и опустился на одно колено. Тот человек изо всех сил налёг обеими руками, и его клинок наотмашь перерубил металлическое древко булавы пополам, после чего обломок лезвия вошел прямо в плечо и спину Сюй Юна.

— Уф!

— Отец! — с покрасневшими глазами Сюй Лу попытался броситься вперед, но Го Цзя крепко удержал его за плечо.

— Пусти! — Сюй Лу сжал руки в кулаки, задрожав от гнева, и резким движением сбросил хватку Го Цзя. Силы юноши намного превосходили возможности ослабленного Го Цзя, к тому же в этот момент он пришел в такое исступление, что оттолкнул его на землю.

— Кхе-кхе, тебе нельзя туда! — Го Цзя отчаянно подавлял приступы кашля.

— Он мой отец!

Сюй Лу уже не мог ни о чем думать. Схватив спрятанный за пазухой кинжал, он приготовился сделать шаг за порог.

— Сюй Лу!

Юноша обернулся:

— Господин, я должен спасти отца, пусть даже погибну вместе с ним. Господин, уходите через заднюю дверь, мы больше не можем вас защищать. Если посчастливится выжить — свидимся в другой день.

В углу комнаты стояло толстое бревно с потрескавшейся корой — неизвестно, сколько времени оно там валялось. Го Цзя сорвал со стены потрепанный полог занавески, обмотал его вокруг дерева и приказал:

— Поджигай.

Сюй Лу в каком-то оцепенении вытащил огниво, и от одного удара вспыхнуло все бревно целиком.

Обматывая дерево тканью, Го Цзя специально оставил один конец свободным, и Сюй Лу, издав дикий рев, единым усилием взвалил горящее бревно на плечо.

— Господин, спасибо вам за все.

Сделав несколько шагов, он уже выпрыгнул наружу.

Го Цзя оперся рукой о стену, выравнивая дыхание, и пробормотал про себя:

— Выходит... это остатки Желтых повязок...

Шум битвы за окном постепенно стихал. Судя по всему, эта ночная бойня подходила к концу. Го Цзя понимал, что даже если он выбежит наружу, это прибавит лишь еще одну человеческую

жизнь к числу погибших.

Поэтому, проводив взглядом Сюй Лу, он тоже постарался отыскать хоть какой-то путь к отступлению. Но стоило ему сделать всего несколько шагов, как неведомая злая судьба сыграла с ним злую шутку: какого-то человека из переднего зала на полном ходу пронесло сквозь стену, и он с глухим стуком рухнул прямо перед ним.

Руки и ноги были связаны. Го Цзя чувствовал, что в голове у него кружится все сильнее. Если бы не Сюй Лу, прижавшийся к нему боком и служивший опорой, он бы, пожалуй, рухнул на землю без чувств.

— Господин, простите, я тяну вас на дно.

— ...

Когда Сюй Лу, движимый безрассудной отвагой новорожденного теленка, вырвался наружу с пылающим бревном в руках, он разом спутал все карты на поле боя. Кто же сможет выдержать удар такой толстой балки, летящей на полной скорости?

Однако, как бы ни была велика его сила, он все же оставался всего лишь мальчишкой, к тому же врагов было слишком много. После нескольких стычек те, кому суждено было погибнуть, пали замертво, а уцелевших связали и свели в одно место.

Сюй Юн получил удар клинком в плечо, а его грудь насквозь пронзило длинное копьё. Широко открыв глаза, он стоял, прислонившись спиной к стене, но уже не подавал признаков жизни.

Главный из нападавших подошел ближе и одним движением меча отсек ему голову, бросив ее одному из стражников:

— Заберите с собой.

Сюй Лу не видел этой сцены — тех немногих, кто остался в живых, уже гнали вперед.

Небо на востоке чуть посветлело, обнажая бледную полосу рассвета. День разгорался. Они шли по той же дороге, по которой прибыли сюда, но теперь возвращались назад тем же путем.

Хлыст со свистом рассек воздух, и сидевший верхом человек злобно крикнул:

— Шевелитесь!

У Го Цзя и так подкашивались ноги, а от нового удара кнутом он рухнул лицом вперед. В глазах

потемнело, а по спине разлилась жгучая боль.

— Он болен! — Сюй Лу тут же бросился поднимать его.

— Тогда сдохни!

— Взмах!

Стоило прозвучать этим словам, как новый удар плети со свистом устремился прямо по макушке Го Цзя.

— Свист!

Серебряная молния рассекла воздух: не успел хлыст опуститься, как всадника пронзила насквозь оперенная стрела, вошедшая точно меж бровей. Он рухнул с коня на землю.

— Нападение!

Отряд немедленно погрузился в хаос. Врагов поблизости не было видно — вокруг свистели лишь одиночные смертоносные стрелы.

Прислонившись к Сюй Лу, Го Цзя сквозь пелену полумрака увидел белого скакуна и воина в белых одеждах и серебряных доспехах. Казалось, он спустился с небес на свирепом ветру среди клубящихся облаков. Старые воспоминания прошлого вдруг мелькнули перед глазами в какой-то туманной вспышке.

Полыхающее пламя битвы при Чиби словно размывало черты лица того человека. Неизменным оставалось лишь белое одеяние — величественное и грозное, исполненное истинной мощи самого неба и земли.

Его длинное серебряное копье ночи напролет звалось Яцзяо — против него не было защиты ни на краю земли, ни у самого горизонта.

Копье роняло кровавые слезы, заставляя рыдать демонов и выть духов.

Те, кто еще вчера кичился своей силой и важностью, теперь жалко скулили, словно бездомные псы.

Серебряное копье кружилось драконом, оглашая свистом девять небес. Белый скакун под ним топтал ласточек в полете, и всюду, где они проносились, оставались лишь брызги крови, падающие тела и обломки искрошенных клинков. Казалось, один-единственный человек

способен в одиночку пересекать любые поля сражений, взмахом руки переворачивать тучи и в мгновение ока вершить судьбы всего мира.

Нападение полутора десятков врагов завершилось прежде, чем прошло пол-ладонью времени, полностью решив исход боя.

Сюй Лу и остальные с восторгом смотрели на тех самых недавних заносчиков, что еще мгновение назад витали в облаках, а теперь сами превратились в простых пленников, и принимались шумно хлопать в ладоши.

— Братец Чжао, что делать с этими? — спросил кто-то из воинов, прибывших вместе с белым всадником.

Воин в белом приблизился к главарю бандитов:

— Кто вы такие? И кого держите в плену?

Главарь сплюнул:

— Хотите резать или казнить — к чему лишние слова!

Бандиты молчали, да и Сюй Лу с товарищами сами толком ничего не знали. По правде говоря, с момента ночного нападения и до того, как их самих связали, они вообще не понимали, что происходит: вокруг шла ожесточенная резня, а под конец они просто проиграли.

— Если вы схватили нас, то сможете выторговать себе какую-нибудь должность у Юань Шао.

Раздался едва слышный голос, от которого лицо главаря бандитов мгновенно изменилось.

— А вы тогда кто такие?

Го Цзя опустил голову и тихо закашлялся:

— Сюй Юн — младший брат Сюй Хэ.

— Остатки Желтых повязок?

Воин в белом с недоверием посмотрел на стоящего перед ним человека. Чистые брови, красивые глаза, а двойные персиковые складки век казались глубокими и темными, словно бездонные омуты — их не удавалось постичь или разгадать. На щеках алел неярный румянец, заметный каждому с первого взгляда.

Го Цзя произнес:

— Благородный муж, благодарю за спасение. Могу ли я узнать ваше имя?

Воин в белом поднял копье и сложил руки в приветствии:

— Чжао Юнь, второе имя Цзилун.

— Ха-ха, Цзилун... — Го Цзя легко улыбнулся и тут же мягко осел вперед.

— Осторожно! — Чжао Юнь проявил молниеносную реакцию, подхватил и надежно поддержал падающего человека. Заглянув ему в лицо, он понял, что тот полностью потерял сознание: глаза были плотно закрыты, он уже впал в забытие.

В комнате потрескивал жаровня с углями, окно было приоткрыто на узкую щель, и легкие порывы холодного ветра порой залетали внутрь, но тут же рассеивались, даже не долетая до изголовья кровати.

Чжао Юнь постучал в дверь и вошел. С первого же взгляда он заметил укутанную в белесое исподнее фигуру: тот полулежал, опираясь на подушки, а на его лице отчетливо читалось крайнее истощение, которое было невозможно скрыть. Глаза были слегка прикрыты, лишь тонкие ресницы едва заметно дрожали. Бледные губы казались чуть более живыми, чем тогда, когда он потерял сознание, но в целом его вид по-прежнему оставался болезненным и надломленным.

Чжао Юнь все еще помнил ту улыбку, ту самую улыбку того человека, казалось, вобравшую в себя всю бренность мирской пыли — будто любые кармические тяготы этого мира растворились в одном этом мимолетном движении губ.

Он не помнил, когда прежде доводилось видеть нечто подобное, но казалось, эта улыбка поднималась откуда-то из глубин самой души.

— Господин, раны уже заживают?

— Благодарю Цзилуна за заботу, мне намного лучше.

В тот день, после потери сознания, Чжао Юнь отвел всех обратно в Чжэньдин. Осмотревший больного лекарь из управы уезда заявил, что у этого человека врожденный недуг: тело слабое, ци истощена, а потому он легко поддается влиянию внешних злых духов.

Лекарь долго рассыпался в медицинских терминах, но Чжао Юнь лишь коротко бросил:

— Живо ступай готовить отвар.

Удар хлыста, доставшийся Го Цзя, был лишь поверхностной раной — наложили мазь, и все должно было пойти на лад. Беда в том, что его простуда так и не прошла до конца, а эта травма лишь усугубила болезнь. Лишь после нескольких дней постельного режима ему удалось немного прийти в себя.

Все эти дни за ним усердно ухаживал Сюй Лу. Чжао Юнь тоже заглядывал пару раз, но чаще всего приходил лекарь: он проверял состояние больного и докладывал о результатах.

Лекарь доложил Чжао Юню, что сегодня дух господина вполне неплох, большая часть ран затянулась, а простуда больше не возвращается.

Вернувшись с обхода города, Чжао Юнь сразу направился в эту комнату.

Он придвинул низкий табурет к самому изголовью и аккуратно огладил подол халата:

— Почему в тот день господин с такой уверенностью утверждал, будто те разбойники замыслили схватить вас, чтобы выменять на чиновничьи должности?

Го Цзя опустил веки и глухим голосом ответил:

— Остатки Желтых повязок всегда были целью для карательных походов всех сторон. Если бы им удалось захватить Сюй Юна, это значительно облегчило бы задачу по усмирению Сюй Хэ и прочих в Цинчжоу. — Сказав это, он тихонько усмехнулся.

— Чему же смеется господин?

— Цзилун просто глупцуется над наивностью того человека. Разве Юань Шао — тот, кого можно купить головой какого-то Сюй Юна?

— Значит, господин хорошо знаком с Юань Бэньчу?

Цель своего сегодняшнего визита он еще никому не озвучивал. Чаншань ныне находился на стыке владений нескольких влиятельных сил, и многие в уезде советовали ему примкнуть к кому-нибудь из них, но Чжао Юнь никак не мог принять окончательное решение.

Сам он не понимал, почему ему захотелось узнать мнение Го Цзя, но внутренне почему-то чувствовал: этот человек совсем не похож на остальных обывателей.

— Я сам пришел из лагеря Юань Шао.

Глубокие зрачки смотрели прямо, без тени страха. В них переливалась влага, сияли персиковые блики, а на губах играла легкая улыбка. Несмотря на бледность лица, подобного выражения Чжао Юнь еще никогда ни у кого не встречал — мягкое, простое и изысканное, словно парящий над землей небожитель, сошедший к смертным.

— Я сам предложил свои услуги лагерю Юань Шао, а затем, проведя там около месяца, покинул его по собственной воле.

— Почему?

Го Цзя прикрыл рот рукой и слабо закашлялся. Чжао Юнь поспешно налил чашку чаю и подал ему. Сделав небольшой глоток, Го Цзя перевел дух и заговорил:

— Цзилун... неужели ты все еще колеблешься, к чьей стороне пристать?

Чжао Юнь замер с чайником в руке и уставился на него.

— Чаншань территориально относится к области Цзичжоу. Если рассуждать здраво, действительно следовало бы примкнуть к Юань Шао. Вот только жаль: Юань Бэньчу в молодые годы еще умел оказывать уважение мудрецам и слугам, ныне же он падок на советы, но лишен решительности, охотно выслушивает дельные речи, но не способен им следовать, мелок душой и вряд ли добьется великих свершений.

Го Цзя говорил неторопливо, слово за словом, а Чжао Юнь слушал с предельной сосредоточенностью. Когда тот умолк, Чжао Юнь не удержался и добавил от себя:

— Иметь выдающихся мужей под рукой и не уметь их использовать.

Услышав это, Го Цзя тихо усмехнулся, прикрыл ладонью глаза и проговорил:

— Цзилун... ты слишком строг...

— Хоть я и упражняюсь в боевых искусствах, но не лишен рассудительности.

После того дня Чжао Юнь не появлялся несколько дней подряд. Го Цзя догадывался, что тот занят подготовкой к переходу на другую сторону, а потому больше ничего не расспрашивал. Помимо ежедневных визитов лекаря, в свободное время он сопровождал Сюй Лу на могилу Сюй Юна.

Пусть даже род Сюй Юна и принадлежал к остаткам Желтых повязок, теперь от него осталась лишь трехфутровая насыпь желтой земли под ногами. Ушедшие мертвы, и пыль забвения укрыла былое.

Го Цзя спросил Сюй Лу о его планах на будущее.

Тот ответил:

— Я хочу и дальше следовать за господином, можно?

Го Цзя со смешком покачал головой:

— Мужчине, рожденному в эпохи смут, подобает совершать великие подвиги и строить карьеру, как же ты можешь тратить время на сопровождение такого больного, как я?

— А как же сам господин? Разве вы никогда не думали о том, чтобы побороться за Поднебесную и вершить судьбы мира?

Побороться за Поднебесную, вершить судьбы мира...

Разве он об этом не думал? Конечно думал, еще в прошлой жизни думал...

На горе поднялся ветер, принес с собой волну холода. Го Цзя невольно запахнул поплотнее воротник из лисьего меха.

Встретившись взглядом с полными надежды глазами юноши, он ответил ровным голосом, обращаясь то ли к самому Сюй Лу, то ли просто бормоча про себя:

— Больше не думаю. В этой жизни у меня уже не осталось столько сил, чтобы растрачивать их попусту. Мне хочется лишь одного — прожить этот век в мире и покое...

Шаги шедшего навстречу человека внезапно замерли на половине пути. Те двое стояли спиной к нему и не замечали его присутствия, но каждое слово Го Цзя отчетливо долетело до его ушей.

Густые брови Чжао Юня слегка сошлись на переносице, потому что в этих словах он услышал безграничную тоску человека, чьи надежды были разбиты в прах, а также то глубокое, усталое отрешение, что, кажется, уже познало суету мирской пыли, но так и не нашло помощи.

Го Цзя обернулся. Заметив Чжао Юня, он сперва слегка удивился, а затем произнес:

— Цзилун пришел.

Чжао Юнь тихо сказал:

— Господин, я уже уладил все дела и хотел бы спросить: не желаете ли вы последовать за мной на север, к Гунсунь Цзаню?

<http://bllate.org/book/19191/1884799>